

УДК 392.51
ББК 63.5 (2)

Матлин Михаил Гершенович

кандидат филологических наук, доцент
кафедра литературы

ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический
университет имени И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, Россия
matlin@mail.ru

ОБРАЗ «ДУРОЧКИ» В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СВАДЬБЕ*

Аннотация: Анализируется образ «дурочки» в традиционной народной свадьбе. Показывается, что он создавался в процессе корения невесты, возникал в результате действий стороны жениха над молодой, творился игровым поведением самой молодой в некоторых послесвадебных сценках. Во всех этих случаях возникал смех. Он был формой воплощения ритуального противоборства двух родов и неотъемлемой частью завершающей фазы обряда перехода, проходя которую она преодолевала *чуже*-родность и входила в упорядоченный и системно организованный мир другой семейной и социальной общности. Именно поэтому смех в данном случае выполнял одновременно дифференцирующие и интегрирующие функции.

Ключевые слова: русская народная свадьба, корильная песня, приговор дружки, ритуал перехода, смех, игра.

Matlin Mikhail Gershonovich

Candidate of Philological Sciences, Docent
Department of Literature

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov,
Ulyanovsk, Russia

AN IMAGE OF A “FOOLISH GIRL” IN A RUSSIAN FOLK WEDDING

Abstract: The article analyses an image of a «foolish girl» in a traditional folk wedding. It shows that the image was created in the process of reproving a bride and was caused by groom's actions and by playing behavior of a young bride in some plays after the wedding. All these cases raised laughter. It was a form of an embodiment of a ritual confrontation of two families and an integral part of the final part of the rite of passage, by performing the rite she overcame foreignness and became a part of a systematically organized world of another family and social community. This is why laughter had differentiating and integrating functions.

Key words: Russian folk wedding, a reproving song, sentence of a groomsman, a rite of passing, laughter, game.

Театрально-игровое начало в самых разных видах встречается на протяжении всей свадьбы – от сватовства до третьего дня, при этом в некоторых обрядах и обрядовых сценках мы обнаруживаем явный синкретизм «ритуального и театрального начал» [15, с. 119], а в других – абсолютное преобладание театрально-игрового начала. На протяжении всего обряда в самых разных вербальных жанрах и акциональных формах участники свадебного действия преобразуются, так что в итоге возникает сложная и меняющаяся система образов – драматических и смеховых. Среди последних можно выделить образ «дурочки», который возникает в результате осмеяния одной из брачующихся сторон другой в корильных песнях, приговорах дружки, а также в действиях, совершаемых над участниками свадьбы или самими ее участниками в некоторых обрядовых сценках.

Покажем это на примере одного из известных послесвадебных обрядов, совершаемого над молодой и представляющего типичный ритуал испытания, которому подвергается она, как и всякое лиминальное существо, прежде чем будет включена в новую семейную и социальную общность или «новую социальную структуру» [1, с. 87].

На второй, реже на третий день, в доме своего мужа молодая должна была выполнить действия, призванные подтвердить ее готовность как женщины к замужней жизни: принести воды, убраться в доме, приготовить еду, ухаживать за домашними животными и др. Порою к выполнению этих работ молодая и члены семьи ее мужа относились весьма серьезно.

Молодая выполняла [на второй день – ММ.] *различную работу: ходила за водой, доила корову, могла даже затеять испечь пироги* [1996 г.; с. Прислониха Карсунского района Ульяновской области; Д. Ф. Шарымова, 1915 г.р.; зап. Н. А. Карпунина].

* Работа проводилась при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-04-00254.

В некоторых случаях она, приступая к выполнению первой работы в доме своего мужа, сначала кланялась свекру и свекрови и получала благословление от них. Гости пристально наблюдали за тем, как она работает, поощряя ее деньгами, которые бросали периодически в выметаемый мусор, чаще всего солому. Также деньгами одаривали ее за испеченные блины, которыми она их угощала [8, с. 112]. Как и всякое первое действие, эти домашние дела, с одной сторон, имели ритуальный характер [2, с. 676], а с другой, в XX в. они воспринимались как действительное испытание ее умения выполнять домашнюю женскую работу и в то же время как проверка соблюдения ею этических правил поведения, например, она должна метением символически показать, что знает об одном из важнейших принципов семейной жизни – «избу мети, а сор на улицу не кидай». Однако чаще эти и подобные испытания становились для молодой одновременно испытанием смехом, ибо родные жениха своими действиями стремились создать такую ситуацию, при которой она выглядела бы смешно.

Молодая метет пол в избе, а они постоянно подбрасывают солому и смеются над тем, что она не может выполнить такого простого действия.

На другой день утром, когда все встанут, входит в избу молодая, и, поклонившись гостям, начинает убирать с полу солому. Тогда все почти гости понемногу выходят из избы, берут на дворе еще по пучку соломы, приносят их в избу и бросают <...>. Таким образом гости заваливают соломою почти всю избу. Молодая, выбившись из сил от уборки ее, идет к отцу, кланяется ему в ноги и говорит: «Памилуй, батюшка! Заступись за меня! – Гости усю хату (избу) соломою загрузили». Отец успокаивает ее, берет штоф вина, идет в избу и потчует гостей, после чего они уже сами выносят принесенную ими солому, а молодая только выметает из избы сор [17, с. 494–495].

Молодая несет воду из источника, а по дороге у нее отнимают ведра, выливают воду на землю и смеются, что ей не удастся донести ее до дома [7].

Второй день праздновали у невесты. Шутили там. Я по воду пошла, а девки-то ведра шатают. Вода прольется, а они кричат: «Плоха хозяйка, воду льет!» А я их лепешками угощала из сундука [1989 г.; с. Суринск Шигонского района Куйбышевской обл.; С. В. Гашева, 1914 г.р.; зап. С. А. Храмова].

Молодая печет блины, а они бросают в них мусор, камни и смеются над ее неумением испечь хорошие блины.

Утром молодую заставляли печь блины, а гости «придурялись» – затыкали трубу, под-

мешивали несъедобное в тесто, втыкали в блины шишки, мох и приговаривали: «Вот невеста какая – блины со мхом печет» [1990 г.; с. Пектубаево Новоторъяльского района Республики Марий-Эл; В. М. Новоселова, 1916 г.р.].

Смех над молодой как неумехой и нехозяйкой звучит и в корильных песнях [16, с. 211].

Приходя под двери дома молодого, просят, чтобы им свекруха отворила» и при этом «для смеха» поют:

*Отвори, мать, хату,
Ведем тебе мохнату;
Она квашню не замесит –
У нее капля с носа висит;
Хату не заметет –
А то живот себе сомнет;
Корова у нее не подоится –
Как огня ее боится [6, с. 149–150].*

В шутку такую характеристику девушке, которую пришли сватать, могли давать и ее родные, изображая, что они якобы не хотят выдавать ее замуж.

Утром, пока сват придет, родня невесты уже в сборе; <...> сват спрашивает: «Ну – что? Как дела?» Ему, шутя, отказывают, говорят, что у них девка неподходящая, ленивая или слепая и выказывают другие недостатки, которых нет [12, с. 30].

Смеховая отрицательная характеристика невесте могла возникать в речи ее родных во время диалога с поезжанами, приехавшими за невестой:

*– Зачем вы приехали?
– Да за вашей княгиней.
– Наша княгиня сегодня не в исправности, – решетом воду носила, снегом баню топил, а сама чумичкой сидит [3, с. 127].*

Такой же образ невесты мог возникать и в ее причитаниях. Так, например, обращаясь к жениху, она старалась предупредить его возможные попреки после свадьбы в ее адрес.

*Чтоб во предь тебе не каяться,
Людям, братьницам не жалиться.
Что женился неудачливо.
Молода жена невзрачлива.
На походочку не ступоцка.
На рець-басни не учливая,
Я на лицо некрасивая,
Тонкоруцка, не работницка,
Белоножка, не коровница.
[На гумне не замолотчица] [16, с. 211].*

Но в некоторых региональных традициях не другие создают из молодой образ неумехи, а она сама совершает такие действия, которые квалифицируются как действия «дурочки».

Молодая не знает двора, в котором она сейчас живет.

За водой посылают, коромысло дают. А молодая несет ведра не в дом, как будто что

двора не знает, а к кому-нибудь. А ее хватают и опять в дом, хватают и опять в дом. Смехá это [1979 г.; д. Бересток Дубровского района Брянской области; Ф. И. Антюхова, 1887 г.р.; зап. Попова, Лузина, Медведева, Старшина.

Молодая не умеет приносить дрова.

На следующий день в присутствии всех гостей заставляют молодую приниматься за работу, – сначала велят ей наносить в избу дров. Та идет в чужую поленницу, навязет небольшую связку в фартук или платок и, неся, несколько раз садится отдохнуть. Ее упрекают, что она так мало несет, да еще отдыхает. Молодая говорит, что у родимой матушки всегда так делала. Принесет в избу дрова и кладет их не к печи, а куда-нибудь в другое место. <...> Смотри на эту работу свекровь говорит: «что мне с такой душой делать? Совсем беда» [11, с. 103–104].

Молодая не знает, как растапливать печь.

Потом молодую заставляют принести дров. Она приносит дрова, кладет их в передний угол и пробует их поджечь [10, с. 89].

Молодая не умеет печь блины.

Сейчас всех сватов и «пировых» за стол, а молодую заставляют блины печь. Загрямят по сковородню железом, зазвенят, как колокольчик, и крикнут: «Ну иди, молодая, блины печь! Посмотрим на твое изделие!» Наливает молодая блин. На чепельнику «ленды нацепляны». Ставит молодая блин прямо под печку. Сейчас женихова мать, и делает замечание: «Ана у вас без памяти. Када ж эта бываит, что блин пекетца пад печкаю? У нас адна кошка живет пад печкаю». А то молодая насажает на блин «веникыу». Кричат: «Дура, дура, маладая! Ланька блинов каких напикла – с цвитами» [4, с. 228].

Наиболее полное описание этой традиции приводит П. В. Шейн: Тысяцкий обращается к жениховой матери со словами: «Не все тебе, Пелагея Степановна, самой печку топить, и кушанья варить, теперь и молодая истопит». Другие гости, в ответ на это, кричат: «Надо испробовать, умеет ли молодуха-то печку топить. Пуцай-ка за дровами сходить!» Невеста выходит из избы за дровами, причем сватья с ее стороны указывают ей хозяйскую поленницу, а женихова сватья сбивает ее и ведет к чужой дальней поленнице. Здесь молодуха набирает охапку дров и несет их в избу. Гости увидевши, что молодуха набрала чужих дров, кричат: «Дура, дура, молодуха-то, дура!»

Внесши дрова в избу, молодуха обращается лицом к порогу и молится на него. Гости изумляются и кричат по-прежнему, а молодуха между тем два полена кладет по краям божницы, да-

ет по полену свекру со свекровью и другим гостям. Раздаются оглушительные крики: «Дура, дура, совсем дура!»

– Умеет ли она прясть-то?

Подают молодухе гребень. Она взлезает на столь, становит на нем гребень шиворот на выворот, и садится на гребенку, а вместо льну наворачивает соломы и разбрасывает ее по избе. «Дура, дура!» – раздаются крики. <...> «Дура, дура, молодуха-то! Где сват? Он сосватал, он и в ответе. Его надо наказывать; надо его пороть!» [18, с. 639].

Действия молодой во всех приведенных примерах явно и сознательно направлены на создание ею образа «дурочки», вызывающего смеховую реакцию окружающих. Действительно, как отмечала С. Лашенко, это была своеобразная традиция, в соответствии с которой «она сама <...> должна была вызывать» на себя смех, «сознательно разжигая “пламя хулы” и смеха, постоянно “подпитывая” их своим поведением» [5, с. 163].

Такое поведение свадебного персонажа имеет явное типологическое сходение с поведением героя анекдотов о глупцах и сказочного дурака. Это такие сюжеты, как СУС 1691 «Дурак домовничает», 1716 «Фома и Ерема», 1200–1349 «Анекдоты о глупцах» [13, с. 273–274, 347, 352]. Общее для них можно сформулировать так: «не знают общеизвестного и делают все по дурацки» [19, с. 110].

Вот как, например, описываются действия Фомы и Еремы в одном из вариантов сказки:

– Да не полно ли, брателко,

Дом заводить?

Станем-ко, брателко,

Пашенку пахать.

Ерема впряг кота,

А Фома петуха.

У Еремы не тянет,

У Фомы не берет [18, с. 266–267].

Столь же нелепы действия глупцов: старуха пробует доить куру, ругает ее, зачем не кормит цыплят молоком (СУС 1204); вгоняют лошадь в хомут, вместо того чтобы надеть его (СУС 1214); пробуют растянуть бревно, чтобы оно стало длиннее (СУС 1244) и др.

Поэтому вполне справедливым можно считать утверждение, высказанное в свое время Н. Ф. Сумцовым, что «нет такого рода словесности, куда не проникли бы анекдоты о глупцах. Чаще всего они передаются в форме сказок или повестей, встречаются в виде басен, в виде песен, причем в виде песен встречаются в форме былевой, песен вечерничных и свадебных» [14, с. 3].

Таким образом, в данном цикле действий, совершаемых молодой на второй или третий день свадьбы, можно выделить три варианта:

1) действия молодой строятся строго в соответствии с правилами внутрисемейного этикета, окружающие поощряют ее к выполнению их, так что в итоге молодая получает заслуженное одобрение от старших в семье мужа; 2) действия молодой строятся строго в соответствии с правилами внутрисемейного этикета, но окружающие препятствуют ей выполнить задания, высмеивают ее, придавая испытанию игровую форму; 3) действия молодой строятся по законам игрового антиповедения с нарочитым нарушением всех правил, вызывая вполне оправданный смех над ней. В итоге во втором и третьем случае для окружающих она становилась «дурочкой». Но между этими двумя сходными ситуациями есть принципиальное различие. Во втором случае, как и в первом, поведение испытуемой носило предельно серьезный характер, выполнение заданий для нее имело важное значение, так как способствовало созданию положительного образа в глазах окружающих. Возникающая в результате сознательных действий родных мужа невозможность достичь желаемого результата должна была помочь испытуемой понять, что в чужой семье главное значение имеют не ее личные умения и усилия, а воля и желание старших, к которым она, в конце концов, обращалась за помощью и которые оказывали ее, благополучно разрешая ситуацию. В третьем случае, когда испытуемая сама сознательно и целенаправленно творила своими игровыми действиями из себя образ дурочки, вызывая смех окружающих, можно видеть один из распространенных способов психологической защиты человека в стрессовых ситуациях. Совпадая по форме с антиповедением глупцов и дураков анекдотов и сказок, она в то же время как бы приближалась к образу шута, который для достижения своих целей надевал маску дурака, благодаря чему выходил победителем в состязании с умными и успешными людьми. Но есть ли такая семантика в образе невесты-дурочки в третьем случае? Обратимся снова к примеру, который привел В. Н. Добровольский: *Потом говорят молодой: «Ну-ка, пометись! Умешь ли ты месть»? Возьмет невеста метлу и метет от порогу прямо к печи. «Что ж вы, сватушки, хвалили невесту: ана ни умеет месть». – «Да ана у нас и дома тахта мятеть; эта штоба не выносит слов из дома». – «Ну, исполать, сватушка, умная и разумная у тебе невестушка – ни дура!»* [4, с. 228].

Дурацкое поведение молодой на проверку оказывалось правильным! Но правильным не в бытовом, а в ином значении, который не смогли сразу понять окружающие. Однако это ведет нас не к шуту, дурацкие действия которого не имели сокровенного значения, а скорее ... к юродивому. В свое время А. М. Панченко, анализируя

феномен юродства в русской культуре, отмечал, что «в юродстве акцентируется внеэстетическая функция, смеховая оболочка скрывает дидактические цели» [9, с. 85]. Им же обозначена и связь юродства с русской народной культурой, с фольклором. Указывая на парадоксальность поведения юродивого, он отмечал, что именно это роднит его с персонажем сказок о дураках. Более того, как далее заметил А. М. Панченко, «“юродивый” и “дурак” – это, в сущности, синонимы. В словарях XVI–XVII вв. слова “юродство”, “глупость”, “буйство” стоят в одном синонимическом ряду» [9, с. 100]. Он же отметил и сходство поведения юродивого с поведением героя народных христианских легенд [9, с. 106–107].

Отмеченные параллели с разными фольклорными и культурными фактами, которые являет столь странное поведение молодой, свидетельствуют о сложной семантике такого поведения и о специфическом проявлении его в свадебном обряде.

Проведенный анализ показывает, что образ «дурочки» применительно к невесте или молодой неоднозначен. Во-первых, он создавался в процессе ее корения, которое являлось одной из форм ритуального противоборства двух сторон. Во-вторых, он возникал в результате действий стороны жениха, организующей испытание и инкорпорирование молодой в новую семью. В-третьих, он творился таким поведением самой молодой в процессе прохождения ею испытания, которое имело явный игровой характер.

Во всех трех случаях возникал смех над ней, который был неотъемлемой частью этой завершающей фазы обряда перехода, проходя которую она преодолевала чуже-родность и входила в упорядоченный и системно организованный мир другой семейной и социальной общности. Именно поэтому смех в данном случае выполнял одновременно дифференцирующие и интегрирующие функции.

Список использованных источников

1. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 240 с.
2. Валенцова, М. М. Первый-Последний // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. Т. 3. К (Круг) – П (Перепелка) / М. М. Валенцова, И. И. Седакова ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 2004. – С. 674–679.
3. Гринкова, Н. П. Старая и новая свадьба в Ржевском уезде Тверской губернии: (Из материалов Верхне-Волжской экспедиции Российской академии истории материальной культуры / Н. П. Гринкова //

Ржевский край. – Вып. 1. – Ржев, 1927. – С. 98–142.

4. Добровольский, В. Н. Свадебный обряд в Калужской губернии / В. Н. Добровольский // Живая старина. – Вып. 2. – 1902. – С. 214–236.

5. Лашенко, С. К. Заклятие смехом: опыт истолкования языческих ритуальных традиций восточных славян / С. К. Лашенко. – М.: Ладомир, 2006. – 316 с.

6. Лозинський, Й.І. Українське весілля / Опрацюв. тексту, упорядк. і вступна стаття Р. Ф. Кирчіва. – Київ: Наукова думка, 1992. – 176 с.

7. Матлин, М. Г. Свадебный обряд посещения водного источника в русской и мордовской свадебной традиции Ульяновской области / М. Г. Матлин // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – № 2 (14). – С. 89–94.

8. Осипов, Н. О. Ритуал сибирской свадьбы / Н. О. Осипов // Живая старина. – Вып. 1. – 1893. – С. 96–114.

9. Панченко, А. М. Смех как зрелище / А. М. Панченко // «Смеховой мир» Древней Руси. – Л.: Наука, 1976. – 204 с.

10. Переславское Залесье. Фольклорное-этнографическое собрание С. Е. Елховского. Вып. 1 / отв. ред. С. С. Савоскул. – М.: Индрик, 2011. – 456 с.

11. Смирнов, М. И. Село Большая Брембола / М. И. Смирнов // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. IX. – Владимир: Тип. Губернского правления, 1907. – С. 1–110 (отдельная пагинация).

12. Сорокин, Г. Свадьбы и свадебные песни у малороссов и великороссов м. Дмитровки Александрийского у. (Херсонской губ.). – Киев, 1891. – 54 с.

13. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. – Л.: Наука. ЛО, 1979. – 437 с.

14. Сумцов, Н. Ф. Разыскания в области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцах / Н. Ф. Сумцов. – Харьков: Тип. Губернского правления, 1898. – 200 с.

15. Толстой, Н. И. Элементы народного театра в южнославянской святочной обрядности / Н. И. Толстой // Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – Изд. 2-е, испр. – М.: Индрик, 1995. – С. 113–122.

16. Шевченко, Е. А. Свадебный обряд Лузского района Кировской области: (функциональные аспекты поэтических жанров): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. – СПб., 2011. – 294 с.

17. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. I. Ч. 2. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. – С. I-XXVI+1-708.

18. Шейн, П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Т. I. Вып. 2. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1900. I-LVIII+834 с.

19. Юдин, Ю. И. Дурак, шут, вор и черт: (Исторические корни бытовой сказки) / сост., науч. ред.,

примеч., библиографический указатель В.Ф. Шевченко. – М.: Лабиринт, 2006. – 336 с.

References

1. Bayburin A.K. A ritual in the traditional culture: Structural and semantic analysis of Eastern-Slavic rites. St.-Petersburg, Science, 1993, 240 p. (in Russian)

2. Valentsova M.M., Sedakova I.I. The First-the Last, Slavic ancientries: ethnolinguistic dictionary: 5 volumes. T. 3. K (Krug) – P(Perepelka). Ed. by N.I. Tolstoy. Moscow, International Relations, 2004, pp. 674–679. (in Russian)

3. Grinkova N.P. An old and a new wedding ceremony in Rzhev district of Tver region: on the basis of the materials of the Upper-Volga expedition of Russian Academy of History and Material Culture, Rzhev district, Publication 1. Rzhev, 1927, pp. 98–142. (in Russian)

4. Dobrovolskiy V.N. A wedding ceremony in Kaluga province, Vital Antiquity, Publication 2, 1902, pp. 214–236. (in Russian)

5. Lashchenko S.K. Spell by laughter: Experience of interpreting of pagan ritual traditions of Eastern Slavic. Moscow, Ladomir, 2006, 316 p. (in Russian)

6. Lozinskiy Y.I. Ukrainian joyfulness. Kiev, Nauka, 1992, 176 с. (in Ukraine)

7. Matlin M.G. A wedding ceremony of visiting water resource in Russian and Mordva wedding traditions of Ulyanov region, *The Humanities and Education*, 2013, No. 2 (14), pp. 89–94. (in Russian)

8. Osipov N.O. A Siberian wedding ceremony, *Vital antiquity*, Publication 1, year 3, 1893, pp. 96–114. (in Russian)

9. Panchenko A.M. Laughter as a performance, “*World of laughter*” of Ancient Russia. Leningrad, Science, 1976, 204 p. (in Russian)

10. Pereslavskoe Zalessky. Folklore and Ethnographic collection by S.E. Elhovskiy. Publication 1. Ed. by S.S. Savoskul. Moscow, Indrig, 2011, 456 p. (in Russian)

11. Smirnov M.I. Bolshaya Brembola village, Works of Vladimir Scientific Archive Commission, Book IX. Vladimir, Publishing house of Provincial government, 1907, pp. 1–110 (a separate pagination). (in Russian)

12. Sorokin G. Weddings and wedding songs of Little Russians and Great Russians of Dmitrovka village of Aleksandriyskiy region (Khersonskaya province). Kiev, 1891, 54 p. (in Russian)

13. Comparative index of subjects. The Eastern tale. Compiled by L.G. Barag, I.P. Berезovskiy, K.P. Kabashnikov, N.V. Novikov. Leningrad, Science, LO, 1979, 473 p. (in Russian)

14. Sumtsov N.F. Researches in the field of anecdotal literature. Anecdotes about fools. Kharkov: Publishing house of Provincial government, 1898, 200 p. (in Russian)

15. Tolstoy N.I. Elements of folk theatre in South Slavic Yule rites, *The language and folk culture: Sketches*

on *Slavic mythology and ethnolinguistics*. Publication 2. Moscow, Indrik, 1995, pp.113–122. (in Russian)

16. Shevchenko E.A. A wedding ceremony of Luzskiy district of Kirov region: (functional aspects of poetic genres): thesis by PhD: 10.01.09. St.-Petersburg, 2011, 294 p. (in Russian)

17. Sheyn P.V. Materials for study of the language and way of life of Russian population of North-West territories. V. I, p. 2. St.-Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1890, p. I–XXVI+1-

708 p. (in Russian)

18. Sheyn P.V. The Great Russian in his songs, rites and ceremonies, religious faiths, tales and legends etc. V. I, publication 2. St.-Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1900, I–LVIII +834 p. (in Russian)

19. Yudin Y.I. A fool, a jester, a thief and a devil. (historical roots of a common tale). Compiled, edited, noted and bibliography by V.F. Shevchenko. Moscow, Labirint, 2006, 336 p. (in Russian)

Поступила 02.07.2015 г.

УДК 82 – 14(470. 4) (045)
ББК 83.3 (2)Н23

Налдеева Ольга Ивановна

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой родного языка и литературы
ФГБОУ «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
naldeeva_oi@mail.ru

Зайцева Татьяна Ивановна

доктор филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск, Россия
uawoz@rambler.ru

**РОМАН В СТИХАХ
В ЛИТЕРАТУРАХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ**

Аннотация: В статье представлены история, состояние и перспективы развития жанра «роман в стихах» в литературах народов Поволжья и Приуралья. Рассмотрены отдельные аспекты поэтики жанра.

Ключевые слова: жанр, роман в стихах, лиро-эпика, художественный образ, поэтика.

Naldeeva Olga Ivanovna

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of the Native Language and Literature
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

Zaytseva Tatyana Ivanovna

Doctor of Philological Sciences, Docent,
Head of the Department of the Udmurt literature and the literature of the people of Russia
Udmurt State University, Izhevsk, Russia

**THE NOVEL IN VERSE IN THE LITERATURES
OF THE PEOPLES OF THE VOLGA AND URAL**

Abstract: The article presents the history, status and prospects of development of the genre “novel in verse” in the literatures of the peoples of the Volga and Ural regions. It also reviews separate aspects of the poetics of the genre.

Keywords: genre, novel in verses, lyric-epic, artistic image, poetics.